

обобщающем сборнике К. Студинского (Студинський К. Галичина й Україна в листуванні 1862–1884 рр. Матеріали до історії української культури в Галичині та її зв'язків з Україною. Харків; Київ, 1931).

Изучение переписки М. Драгоманова с галицкими деятелями последней трети XIX в., преимущественно сторонниками радикальных, социалистических взглядов, даст возможность глубже понять особенности украинского национального движения в Галиции, характеризующееся процессом формирования современного национального самосознания, чувства всеукраинского единства. Характерно, что за постоянный интерес к Галиции современники в шутку называли его Михаилом Галицким.

Д.С. Рыжова (Москва)

Зарождение блазона: описания щитов во французской литературе XI – XIII вв.

Описание щитов и изображений на них как поэтический прием появилось ещё в далекой древности. В произведениях Гомера не раз встречаются описания щитов, на которых изображены космологические системы, исторические события или деяния самого героя. Не случайно классическим примером экфрасиса, т.е. греческого приема литературного описания предметов искусства, считается описание щита Ахиллеса в Илиаде. Не удивителен и выбор щита, как важного элемента воинского вооружения, не раз фигурирующего в качестве важного элемента в фольклоре. Тем не менее, подобные художественные описания в античной литературе выполняют совсем другую функцию, отличную от геральдической – они остаются «риторическими упражнениями».

В раннесредневековой литературе, экфрасис также присутствует, однако, основное внимание уделяется другим предметам обихода, описания щитов исчезают. Даже в изложениях истории о разрушении Трои, основанных на оригинальном тексте Гомера, включая *Roman du Troie* Бенуа де Сент-Мора, щит у Ахиллеса, бесспорно, присутствует, но никакого изображения на нем в тексте не упоминается. А ближе к концу XII в. Конрад фон Вюрцбург наградил Ахиллеса новым щитом, уже очевидно геральдическим – с «белым лебедем на темном поле». (Wandhoff H. *The Shield as a Poetic Screen*. 2005).

Напомним, что гербы начинают распространяться по всей Европе со второй половины XII в., и свидетельством тому являются многочисленные изображения на печатях, оружии, надгробных плитах и других предметах. Но только в 1250 г., через 100 лет, появляются первые гербовники. Целое столетие геральдика существует без какого-либо письменного воплощения, кроме редких и часто неоднозначных упоминаний в литературе, чтобы появиться в уже вполне сложившемся и стройном виде блазона в первых гербовниках. Удивительно и то, что развитие геральдики принято связывать с развитием турнирной деятельности, а ту в свою очередь – с развитием жанра

рыцарского куртуазного романа, но блазоны и геральдические данные в этих романах встречаются довольно редко.

Однако нельзя сказать, что литературные тексты не содержат совсем никаких указаний на то, что гербы в обществе активно использовались. На примере хорошо известных текстов Кретьена де Труа, видно, что автор с геральдической знаком, хоть и не так часто к ней прибегает. В тексте его романов щит встречается в основном в общем перечне вооружения рыцаря при подготовке к бою, без особых указаний на его внешний вид, однако при описании турнира в Ланселоте (*Lancelot ou le Chevalier de la Charrette*, 1176 г.), автор, перечисляя участников, дает и описание их гербов. И хотя эти описания блазонами назвать ещё нельзя, следы определенной кодификации в них уже есть.

Детальное изучение подобных упоминаний во французских текстах XI–XIII в. поможет проследить путь появления квазигеральдических, а затем и непосредственно геральдических терминов и конструкций в литературе до возникновения гербовников. Очевидно, что блазон долгое время оставался устной мнемонической практикой, которая никак не фиксировалась в письменном виде, но возможно могла проникать в произведения поэтов. На основании полученных результатов, можно будет предпринять попытку восстановить ход развития и становление блазона как профессионального языка геральдики.

Г.Р. Саатчян (Москва)

**Елена Ивановна Каменцева: учебные семинары
по вспомогательным историческим дисциплинам
в Московском государственном историко-архивном институте**

В 1990 г., окончив подготовительные курсы, мы с товарищами поступили в МГИАИ. Гостеприимные старинные здания стали буквально нашим домом на ближайшие 5 лет. Главное, что формировало тогда атмосферу Института – наши учителя, как более молодые специалисты, так и «старые профессора». И с самого начала одним из основных наших наставников стала Елена Ивановна – глава направления вспомогательных исторических дисциплин.

К тому времени были изданы базовые учебные пособия Елены Ивановны. На них был основан курс её лекций, который мы слушали в знаменитой 6-й аудитории. Было видно, что Елене Ивановне некомфортно стоять за трибуной на приличном отдалении от массы студентов и придерживаться сухой (что неизбежно) лекционной подачи материала.

Всё изменялось, как только наша группа оказывалась в небольшой аудитории на семинарских занятиях. Начался курс с палеографии. На занятиях каждый текст, фотокопию которого нам приходилось читать, буквально оживал. Для Елены Ивановны это был не только образец начертания букв, но в первую очередь – источник. Она рассказывала нам о людях, событиях, об авторах документов. Вокруг текста благодаря ей перед нами возникал целый мир с бытовыми подробностями, принадлежащий определенной ис-